

УДК 101.1:316+008

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.113

РОССИЯ В МИРОВЫХ ПРОЦЕССАХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Г.Ю. Канарш

ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва

В статье отстаивается точка зрения, что Россия, несмотря на переживаемые ею в настоящий момент трудности, не должна изолироваться от остального мира, а ей следует внимательно следить за теми социокультурными и технологическими изменениями, которые происходят сегодня в развитых и развивающихся странах. Как показано в статье, это, прежде всего, ценностные изменения, ведущие к трансформации различных сфер жизни и формированию общества искусственного интеллекта. В то же время Россия до сих пор стоит перед выбором своей модели социально-экономического развития. Как показывают исследования, сырьевая модель на настоящий момент исчерпала себя, а производственная до сих пор не построена. Существуют значительные трудности в плане реализации производственной модели в России по образцу многих развитых и развивающихся стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Сохраняется и проблема, какой путь (социалистический, капиталистический) наиболее предпочтителен в рамках производственной модели. В целом, делается вывод о том, что без свободного рынка и капитализма нет развития, однако достаточно весомой в мире продолжает оставаться роль государства.

Ключевые слова: *ценностные изменения, материализм, постматериализм, общество сингулярностей, четвертая промышленная революция, общество искусственного интеллекта, неолиберализм, социализм, капитализм, государство.*

Введение

Современная Россия переживает сегодня трудный период своей истории. Прежде всего, это связано с продолжением Специальной военной операции на Украине и введенными против нашей страны санкциями. По сути, как признают первые лица государства, нашей стране фактически объявлена полномасштабная информационная и научно-технологическая война, когда западные страны не только развернули мощнейшую пропаганду против всего русского, российского (так называемая культура отмены), но также активно препятствуют российской торговле (в том числе нефтью и газом) и проникновению новых технологий на территорию нашей страны. В этих условиях руководство государства поставило задачу активной поддержки бизнеса, науки и технологий, для того чтобы противостоять агрессивным действиям западных держав против нашей страны, и для того, чтобы развитие не прекращалось. Пока, как считают специали-

сты, эта поддержка, несмотря на ряд эффективных мер (например, материнский капитал), носит крайне недостаточный характер. Как отмечают, например, Н.И. Лапин и его коллеги в книге о социальном государстве, в России до сих пор выстроено социально-слабое государство, если сравнивать его с более развитыми версиями, построенными, например, в европейских странах [11]. Разговоры о диверсификации экономики также идут уже очень давно, практически на всем протяжении 2010-х гг. [16], ведущими экономистами левой и леволиберальной ориентации предлагались действенные рецепты по перестройке российской экономики от доминирования нефтегазовой отрасли к построению современных обрабатывающих производств. Таким образом, можно сказать, что *кризисный характер российского развития на сегодняшний день сохраняется*: не решены многие проблемы, которые являются препятствием к полноценному развитию (модернизации), успешный пример которой мы можем наблюдать уже на протяжении почти 40 лет в современном Китае.

Мы обратимся к непосредственно к российским проблемам несколько позже, а пока выскажем важное, как нам представляется, методологическое замечание: несмотря на определенную изоляцию сегодняшней России (по крайней мере, от стран Западного мира), представляется, что изучение российских реалий должно происходить в контексте общемировых тенденций развития, тогда нам станет понятным гораздо больше, нежели в ином случае. В последние десятилетия в мире происходят очень серьезные изменения; по сути, совершается становление нового социума, с новыми ценностями, новыми общественными отношениями, новым научно-технологическим укладом и производством. Представляется, что Россия не может стоять в стороне от этого, замкнувшись только в своих собственных проблемах. Поэтому для того, чтобы лучше понять место современной России в мире, мы обращаемся к исследованиям зарубежных авторов, показывающих, какие изменения происходят сегодня в наиболее развитых обществах. Думается, это поможет нам лучше понять и самих себя.

Некоторые концепции социальных и технологических изменений

Думается, все изменения, которые происходят сегодня в развитых (постиндустриальных) обществах, можно разделить на два типа. Первые связаны с ценностями и описывают то, что немецкий социолог Андреас Реквиц назвал «обществом сингулярности» [10]. Для этих изменений характерно то, что они меняют ценностные ориентации людей, которые, в свою очередь, изменяют экономику, политику, образ жизни т. д. Второй важнейший тип изменений, который происходит сегодня, – это становление общества искусственного интеллекта. Этот тип общества несет как огромные блага для потребителей и производителей продукции, так и серьезные угрозы, в первую очередь связанные с возникновением неравенства и всеобщей автоматизацией. Проще говоря, машины в обществе ис-

кусственного интеллекта становятся все более «умными», производительными и все в большей мере начинают замещать собой людей. Так что в этих обоих типах обществ есть как положительные стороны, так и проблемы, на которые мы также должны обратить внимание (например, в обществе сингулярности происходит новое классовое деление, которое в перспективе оставляет «за бортом» большое количество людей, менее образованных и менее приспособленных к новым условиям жизни).

Как показывает социолог Рональд Инглхарт [3], последние десятилетия в развитых странах отмечены беспрецедентными изменениями. Речь идет о переходе от «общества выживания» к обществу экзистенциальной безопасности. Этот переход кардинальным образом меняет ценности и образ жизни людей. Ученый называет следующие факторы, способствовавшие данным изменениям:

- 1) беспрецедентный уровень экономического роста на Западе в послевоенный период;
- 2) развитие мощного государства благосостояния, обеспечившего высокий уровень социальной защиты;
- 3) мирный период отношений между разными странами, сложившийся после Второй мировой войны.

Как пишет Инглхарт, в результате этих изменений «произошел сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, который в свою очередь стал частью еще более глубокого сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Эти широкие культурные изменения связаны со сменой главных жизненных приоритетов: от экономической и физической безопасности и подчинения групповым нормам – к росту значимости индивидуальной свободы и возможности выбора жизненной стратегии» [3, с. 20]. В чем конкретно проявляется данный сдвиг? Прежде всего, как отмечает ученый, это сдвиг в сторону большего гендерного равенства, толерантности по отношению к аутгруппам и гомосексуалам, свободе выражения и большем участии индивида в принятии решений в экономической и политической сфере. Причем, надо отметить, что Инглхарт придерживается именно *эволюционной теории модернизации*: он показывает, что изменения происходят не сразу, что порой требуется несколько десятилетий для того, чтобы те или иные ценности стали заметными или даже доминирующими в данном обществе. Инглхарт также подчеркивает, что данные ценностные изменения характерны не только для стран Западной Европы и Северной Америки: они активно распространяются сегодня по всему миру (в частности, в бывших посткоммунистических странах Восточной Европы, отчасти в России, очень быстро в Латинской Америке, значительно в Индии и Китае, в определенной степени в мусульманских странах).

Более развернутая концепция современного общества представлена в книге немецкого исследователя Андреаса Реквица «Общество сингулярностей» [10]. В основе рассуждений Реквица о современном обществе –

противопоставление двух логик: логики общего эпохи модерна и логики особенного, присущей, как считает исследователь, именно позднему модерну. Как полагает Реквиц, в позднем модерне логика общего, характерная, в частности, для периода организованного модерна, уступает место логике особенного, или логике сингулярностей (под которой он понимает социокультурно сформированную особенность). «Мой главный тезис таков: в социальном укладе позднего модерна происходит преобразование общественной структуры, которое заключается в том, что социальная логика общего перестает доминировать над *социальной логикой особенного*» (курсив источника. – Г.К.) [10, с. 10].

В чем проявляется сингуляризация? В экономике – это ориентация на оригинальность и редкость продукта, что в свою очередь производит гиперконкуренцию – конкуренцию за внимание и «экономику суперзвезд». Это также особенные профили работников, которые должны обладать не столько формальным образованием, сколько уникальными компетенциями. В техносфере – производство оригинального контента на базе универсальной техноструктуры (компьютеры и Интернет). В повседневной жизни – особенный образ жизни нового среднего класса, противостоящий малокультурному образу жизни низшего класса и конформизму старого среднего класса. В политике – господство мультикультурализма, нового национализма и коммунитаризма.

Что же произошло, почему современное общество (общество позднего модерна) сделало акцент не на общем, а на уникальном? И здесь, как поясняет Реквиц, сошлись три фактора: 1) становление нового высокообразованного среднего класса, стремящегося к автономии и самовыражению; 2) становление новой, постиндустриальной экономики креативности; 3) возникновение новых технологий, которые также способствуют сингуляризации. Все эти составляющие тесно взаимодействуют друг с другом, образуя своего рода комплекс факторов.

Таким образом, согласно теории Реквица, во всех сферах современного общества мы видим тенденцию к сингуляризации, торжеству не общего, а особенного, что является характерным именно для эпохи позднего модерна и как таковое противостоит универсализму и стандартизации классического и организованного модерна. В основе же этих преобразований, как показал исследователь (одновременно с Р. Инглхартом) лежат ценностные установки и многообразная деятельность нового среднего класса современной эпохи, стремящегося не просто к комфортной и усредненной жизни (как в «обществе нивелированного среднего класса» фордистской эры), но к автономии и самореализации.

Одновременно со становлением общества сингулярностей происходит становление общества искусственного интеллекта. Клаус Шваб в своей известной книге [14] говорит о трех главных промышленных революциях, происходивших в мире со второй половины XVIII в. Первая революция длилась с 1760 по 1840-е гг., для нее было характерно использова-

ние железных дорог и энергии пара. Это технологическая основа современного капитализма. Вторая революция – конец XIX – начало XX в. Она характеризовалась возникновением массового производства, благодаря широкому распространению электричества и внедрению конвейерного производства. Третья промышленная революция – 1960-е гг., когда стали впервые использоваться полупроводники, затем – в 1970-х и 1980-х гг. – первые ЭВМ, а в 1990-х появился Интернет. Четвертая промышленная революция происходит, по мнению Шваба, сегодня, и она опирается на цифровую революцию (как, в свою очередь, последняя опиралась на революцию электричества). «...я считаю, что мы стоим у истоков четвертой промышленной революции. Она началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Ее основные черты – это “вездесущий” и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют), искусственный интеллект и обучающиеся машины» [14, с. 18]. При этом Шваб говорит не только об «умных машинах» и вычислительных системах, но он подчеркивает, что для четвертой промышленной революции характерна конвергенция технологий, когда появляются прорывные технологии в разных сферах и они начинают тесно взаимодействовать друг с другом. «Именно синтез этих технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляют фундаментальное отличие четвертой промышленной революции от всех предыдущих революций» [14, с. 19–20].

Каковы основные технологии, или мегатренды, как называет их Шваб, воздействующие на современное общество? Клаус Шваб кратко перечисляет их в своей книге, объединяя в три блока: физический, цифровой и биологический [1; 15]. Какие же технологии выделяются как наиболее перспективные? Во-первых, это новые вычислительные возможности, в том числе квантовые вычисления. Во-вторых, блокчейн и технологии распределенного реестра. В-третьих, интернет вещей. В-четвертых, искусственный интеллект и роботы. В-пятых, передовые материалы. В-шестых, 3D-принтеры. В-седьмых, биотехнологии и нейротехнологии. В-восьмых, виртуальная и дополненная реальность. В-девятых, такие технологии, как производство и передача альтернативной энергии (за счет ветра, солнца, приливов и т. д.), геоинженерия, и, наконец, десятое, космические технологии.

Как показывает Шваб, новые технологии воздействуют практически на все сферы жизни современного общества. Прежде всего, на занятость и характер труда. Особый предмет разговора – деятельность правительств по адаптации инноваций. Например, сегодня все труднее становится регулировать среду появления новых инноваций, поэтому, по мнению Шваба, должна применяться гибкая концепция управления, когда власть все больше ориентируется и взаимодействует с бизнесом и структурами гражданского общества. Еще одна важнейшая сфера – изменения на уровне общества и личности. Это проблемы неравенства, этических аспектов изменения человеческой идентичности (например, проектирование

младенцев) и проблемы, связанные со сверхвовлеченностью людей в новые технологии (прежде всего, смартфоны).

При этом важно отметить, что мы не просто столкнулись с новейшими технологиями, в том числе на уровне повседневности, но уже сформировались целые общества искусственного интеллекта, к которым исследователи относят прежде всего США и Китай. Как отмечает К. Шваб, несомненным лидером в области новейших технологий являются сегодня США. В то же время недостаточно учитывается опыт другой страны, тоже лидера в области искусственного ИИ, – современного Китая. Как показал в книге «Сверхдержавы искусственного интеллекта» китайский ученый и предприниматель Кай-Фу Ли [6], Китай не только догоняет США в этой области, но и в значительной мере превосходит их по многим параметрам внедрения ИИ. Как показывает этот автор, начиная с 2017 г. Китай охватила настоящая лихорадка ИИ, когда сотни тысяч людей по всему Китаю, включая китайское правительство, решили сделать Китай к 2030 г. ведущей державой в области ИИ. Какие факторы здесь действуют? Во-первых, в Китае, начиная с 1990-х гг., сформировалось мощное предпринимательское сообщество в области интернет-технологий и интернет-бизнеса, характеризующееся жесткой конкуренцией как с западными компаниями, так и местных компаний между собой. Во-вторых, это развитие особенно китайского Интернета. Китай сумел создать мощную собственную экосистему (во многом благодаря универсальному приложению WeChat, связанному с гигантским количеством предприятий – интернет-платформ), которые позволили собирать огромное количество данных. Третий момент – это особо ответственное отношение правительства Китая и местных властей к вопросам развития интернет-бизнеса. Все эти особенности сделали возможным последовательное развитие четырех волн искусственного интеллекта в Китае: 1) ИИ Интернета; 2) ИИ для бизнеса; 3) ИИ восприятия; 4) автономный ИИ.

Социально-экономическое развитие России в контексте мирового опыта

Из изучения литературы последних лет отчетливо вырисовываются две модели: модель производства и модель сырьевого развития. По пути промышленного производства движется современный Китай (а до него – многие страны Восточной и Юго-Восточной Азии); российское развитие – это типично сырьевое развитие, т. е. реализация противоположной стратегии. Как показывают исследования, большая часть промышленной продукции, реализуемой сегодня в России, – это продукция иностранного производства (включая средства производства: станки, оборудование и т. д.).

Надо сказать, что Россия не всегда двигалась по нынешнему пути. Советский путь – это путь индустриализации, хотя и в рамках командно-административной системы. Как показывает российский исследователь В.В. Моисеев [9], проведенные во второй половине 1960-х гг. реформы (Ко-

сыгинские реформы) дали значительный толчок развитию аграрного и промышленного производства. Эти реформы, одобренные тогдашним руководством страны, были направлены на модернизацию промышленного сектора и введение в практику определенных рыночных категорий и механизмов (рентабельность, прибыль и т. д.). Примечательно, что, несмотря на сворачивание реформ и даже контрреформы 1970-х гг., промышленное производство в СССР росло и, как показывает Моисеев, значительно превосходило темпы развития промышленного производства в западных странах. Соответственно, развитой была и социальная сфера: бесплатное образование, здравоохранение, достойные пенсии, жилищное строительство и т. д.

С распадом Союза начался иной – неолиберальный период в развитии России. На вооружение была принята модель свободного рынка, реализовавшаяся в ряде стран Запада (в частности, при Р. Рейгане в США и М. Тэтчер в Великобритании). Более конкретно, как отмечают специалисты, была предпринята попытка пойти по пути шоковой терапии, которая реализовывалась, например, в Польше. Элементы реформ, проведенных в России, хорошо известны – это шоковая терапия и приватизация. Шоковая терапия освободила цены, внутреннюю и внешнюю торговлю, попыталась создать конкуренцию между предприятиями и т. д. Задача приватизации заключалась в том, чтобы сделать людей собственниками. Однако, по мнению большинства специалистов, обе стороны неолиберального реформирования провалились. Шоковая терапия привела к резкому всплеску инфляции и падению промышленного производства; приватизация привела не к созданию среднего класса, а к присвоению небольшим количеством предпринимателей «общенародной собственности» (в частности, посредством залоговых аукционов). В результате неолиберальных реформ Россия стала страной бедных людей и вопиющей социальной несправедливости.

В этих условиях политика, проводимая новым российским руководством с начала 2000-х гг., была определенным продвижением вперед и способом преодоления сложившихся диспропорций. Прежде всего, укреплению государственной власти в России (и политике равноудаления олигархов) благоприятно сопутствовало повышение цен на энергоносители. Благодаря этой макроэкономической конъюнктуре удалось значительно улучшить социальную сферу и увеличить зарплаты на предприятиях. Уровень жизни большинства населения России уверенно рос на протяжении всех 2000-х гг. Однако, как показало последнее десятилетие, ресурсная модель развития достаточно быстро исчерпала себя (экономический рост прекратился), и сегодня руководство страны ставит задачу диверсификации экономики и развития промышленного производства. Однако пока не удалось добиться сколько-нибудь значимых изменений в этом направлении.

В.В. Моисеев в своей книге называет целый ряд препятствий для полноценного развития производственной модели в России. Во-первых, это продолжающаяся монетаристская политика правительства и Центрального банка РФ. Вместо того чтобы вкладывать средства от полученных

сверхдоходов от продажи нефти и газа в промышленное развитие, российское правительство вкладывало их в американские ценные бумаги. Как объясняли сами представители правительства, это делалось исходя из соображений предотвращения инфляции. Однако, как справедливо отмечает исследователь, вложение денег не привело бы к инфляции, если бы, например, на них просто закупились западные заводы и оборудование (как это часто делалось в советское время).

Вторая проблема – это высокий уровень коррупции. Как показывает Моисеев и другие исследователи, в России коррупция стала настоящим системным явлением. Помимо того, что коррупция развращает морально, она значительно искажает стимулы для принятия правильных решений: вместо того, чтобы реализовывать политику в интересах общего блага (в интересах общества и государства), коррумпированная элита принимает решения в интересах тех, кто «снабжает» ее деньгами. Поэтому в условиях высокой коррупции модернизация невозможна.

Третий момент – и возможно, наиболее важный – это отношения бизнеса с государством. Как мы писали ранее в нашей книге [4], отношения бизнеса и государства в нашей стране строятся по модели, когда собственность является условной, а права собственности не гарантированы. Правительственный чиновник рассматривает любую частную собственность как собственность государства, и поэтому государство может в любой момент ее отнять. Это создает крайне неблагоприятный деловой климат в России. Неудивительно, что после дела ЮКОСа большинство российских предпринимателей предпочло вывести свои капиталы за границу. Широко известным стал феномен офшоризации российской экономики, когда абсолютное большинство российских предприятий – от сельского хозяйства до промышленной сферы – зарегистрированы за рубежом. Усиливается и уголовное давление на бизнес (опять-таки в целях, прежде всего, отъема собственности).

Определенные проблемы существуют в кадровой и налоговой политике (в частности, некомпетентность многих руководителей самого высокого уровня и достаточно высокий уровень налогообложения, не способствующий развитию бизнеса и достижению социальной справедливости (например, косвенные налоги, в частности НДС)).

Таким образом, существует целый ряд проблем, затрудняющих модернизацию в России и построение полноценной производственной модели. Как показывает В.В. Моисеев в другом исследовании, это резко контрастирует с практикой реформ в современном Китае. Приведем соответствующие цитаты: «В Китае создана крупнейшая в мире производственная экономика и налажен экспорт товаров народного потребления практически во все страны мира <...> Это крупнейшая торговая страна в мире, играющая важную роль в мировой торговле <...> Развитию транспорта и инфраструктуры в Китае уделяется значительное внимание, так как эти отрасли стратегически “завязаны” на национальную экономику <...> Китай зани-

мает первое место в мире по патентам, полезным моделям, товарным знакам, промышленным образцам и экспорту творческих товаров <...> Китай намерен добиться прорыва в индустрии полупроводников <...> Китай добился значительного прогресса в развитии национальной энергетики <...> Благодаря этим и другим мерам по модернизации промышленности в 2018 г. промышленное производство Китая впервые превысило 4,4 трлн долл.» [8, с. 161–165].

Говоря о производственной модели (в противоположность сырьевой), мы тем не менее оказываемся перед вопросом, какую именно модель социально-экономического развития может выбрать Россия. Будет ли это неолиберальная модель, или модель, близкая шведскому социализму, или модель этатистской модернизации, как в экономиках Восточной и Юго-Восточной Азии. Здесь существует целый спектр вариантов. Заслуживает внимания позиция немецкого профессора Райнера Цительманна, которую он высказывает в целом ряде своих книг [12; 13]. Так, в книге «Капитализм не проблема, а решение» [13] Цительманн выступает против всех форм социализма, показывая, что именно неолиберальный экономический порядок приводил ко всеобщему процветанию. Как отмечает профессор, он принципиально опирается не на теорию, а на факты, сравнивая разные социально-экономические системы, чтобы показать, что именно экономика свободного рынка дает наилучший результат. Так, примечателен пример Китая. Как показывает Цительманн, в период коммунистического развития при Мао Цзэдуне Китай постигла настоящая экономическая и гуманитарная катастрофа – коммунистические реформы привели к резкому падению экономики и голоду. И только реформы Дэн Сяопина, ориентированные на рынок и предпринимательство, привели к процветанию китайской экономики. При этом вслед за некоторыми китайскими исследователями немецкий профессор показывает, что реформы, проводимые в Китае, которые иногда трактуются как этатистские (проводимые под руководством государства), на самом деле были свободнорыночными, и шли скорее снизу, нежели сверху, и в этом смысле напоминали реформы в других классических странах рыночной экономики, например в Великобритании. Также сравнивается опыт ФРГ и ГДР, Венесуэлы и Чили, исследуется опыт африканских стран, Северной и Южной Кореи, а также социалистической и постсоциалистической Швеции. Во всех этих странах, как показывает Цительманн, свободный рынок приводил к высоким социально-экономическим результатам, а социалистические эксперименты, наоборот, давали провал. Как пишет Цительманн в обоснование своей теории, «в книге “Сила капитализма” я разработал “теорию”, которую теперь называю “теорией пробирки”. Это не столько теория, сколько метафора, которую можно использовать для лучшего понимания исторических событий: представьте себе пробирку, содержащую элементы государства и рынка, социализма и капитализма. Затем добавьте в эту пробирку больше рынка, как это делают китайцы с 1980-х годов. Что мы наблюдаем? Снижение

уровня бедности и рост благосостояния. Или добавьте в пробирку больше государства, как это делают социалисты в Венесуэле с 1999 г. Что происходит? Больше бедности и меньше процветания. Во всем мире мы видим эту борьбу противоположностей: рынок против государства, капитализм против социализма. Это диалектическое противоречие, и развитие страны – большее или меньшее процветание – зависит от развития соотношения между рынком и государством» [12, с. 8–9].

Однако при всей убедительности примеров, приводимых Цительманном, думается, что его теория не лишена недостатков. Так, тот же исторический опыт свидетельствует, что неолиберальные реформы в постсоциалистической России оказались весьма неудачными, как мы говорили об этом выше. Они привели к высокой инфляции (гиперинфляции), потери населением своих сбережений, резкому снижению уровня жизни, а также резкому сокращению промышленного производства. Цительманн специально не рассматривает пример России, однако в одном месте говорит, что проблемой неолиберальных реформ в России было то, что они неосмотрительно насаждались сверху, а не прорастали «снизу», как это было, например, в Китае. Иными словами, общество не было готово к неолиберальным преобразованиям. Однако в противовес взглядам немецкого профессора можно привести и опыт тех же Соединенных Штатов, в которых, как показывают многие авторы, с 1980-х гг. произошло резкое разделение общества на богатых и бедных и размывание среднего класса фордистской эпохи. Как пишут Бретт Кинг и Ричард Пэтти в книге «Техносоциализм», «сегодня “американская мечта” уступила место двум Америкам – одной для богатых и другой для бедных. Процент американцев, относящихся к среднему классу, сократился с 61 % в 1971 году до 50 % в 2020 году. Это прямо противоречит общемировому росту среднего класса, поскольку ожидается, что к 2050 году средний класс вырастет более чем на 75 %» [5, с. 37]. Как отмечают Кинг и Пэтти, растущее неравенство в США и других странах мира, спровоцированное неолиберальной политикой, приводит к многочисленным протестам по всему миру. Люди, выходящие на эти протесты, выступают за социально-экономическую защищенность и против неолиберальной политики. Так, известный философ Славой Жижек назвал массовые протесты, охватившие как западный, так и незападный мир в начале 2010-х гг., «неприятностями в Раю» [2]. Как пишет Жижек, «общая тенденция современного глобального капитализма – дальнейшее расширение господства рынка в сочетании с ускоряющимся закрытием общественного пространства, сокращением государственных услуг (здравоохранения, образования, культуры) и ростом авторитаризма. Именно в этом контексте греки протестуют против господства международного финансового капитала и коррумпированного и неэффективного государства, которое все хуже справляется с задачей предоставления основных социальных услуг, турки – против коммерциализации общественного пространства и религиозного авторитаризма, египтяне – против поддерживаемого западными

странами коррумпированного авторитарного режима, иранцы – против коррумпированного и неэффективного религиозного фундаментализма и т. д.» [2, с. 161]. В этом контексте снова усиливаются социалистические настроения, против которых так убедительно выступают неолиберальные теоретики, такие как Р. Цительманн.

Впрочем, сегодня социализм вовсе не обязательно связан с усилением роли государства, как показывают те же Б. Кинг и Р. Пэтти. Основная надежда этих авторов на вмешательство государства не столько в экономическую жизнь, сколько в развитие технологий. Как они показывают, именно технологическое развитие в области экономики (например, технологии блокчейна), в области образования, здравоохранения и т. д. способны привести к процветающему и инклюзивному обществу. Как они пишут, «во второй половине текущего десятилетия наступит момент, когда политики, которых мы привыкли называть “социалистами”, смогут компетентно утверждать, что национальные государства способны устранить социальные проблемы при помощи *масштабных систем, опирающихся на массивные наборы данных и искусственный интеллект* (курсив мой. – Г.К.). Как только большая часть населения поверит, что эти решения вполне можно реализовать без дополнительного налогового бремени, сопротивление более социально ориентированной политике неизбежно уменьшится» [5, с. 244]. Именно этот проект создания более справедливого и более инклюзивного общества авторы и называют «техносоциализмом».

Однако то, о чем пишут американские авторы, не отменяет, а скорее предполагает значительную роль государства в развитии инноваций. Это именно то, о чем пишет в своей книге известный американский экономист итальянского происхождения Мариана Маццукато [7]. Она показывает, что государство – вовсе не враг свободного рынка, как часто это представляют апологеты неолиберализма, но, напротив, роль государства весьма высока в процессах социально-экономического развития. Государство не просто выступает партнером бизнеса, но оно направляет бизнес на осуществление целей экономического развития. И в этом смысле роль государства значительно больше, нежели исправление провалов рынка, как это считается в традиционной экономической теории. Как пишет Маццукато, нам нужно «...приглядеться к сфокусированному, проактивному, *предпринимательскому* (курсив источника. – Г. К.) Государству, способному брать на себя риск и создавать плотную сеть акторов, которая направляет все лучшее, что есть в частном секторе, на благо нации в средне- и долгосрочной перспективе. Именно Государство, выступающее как ключевой инвестор и катализатор, подталкивает эту сеть действовать и распространять знания. В экономике знаний Государство может быть не только фасилитатором, но и создателем, и оно активно выступает в этой роли» [7, с. 55–56].

В целом, заслуживают большого внимания концепции этатистской модели модернизации, направленные на осмысление западного и восточ-

ного опыта развития. В частности, авторы этих исследований показывают, что государство сыграло (и продолжает играть) значительную роль в модернизации Западной Германии, Японии, Тайваня, КНР, Южной Кореи и других стран. Успешная догоняющая модернизация в этих странах не была бы возможной без сильного государства (в частности, в Японии или Южной Корее). Поэтому, как бы ни был прав Р. Цителъманн в своих выводах относительно противопоставления капитализма и социализма, исторический опыт развития многих государств Запада и Востока (прежде всего Восточной и Юго-Восточной Азии) показывает, что свободный рынок – лишь одно (хотя и важнейшее) условие для полноценного экономического развития. Другое важнейшее условие – направляющая роль государства. Как пишет М. Маццукато, «есть целый пласт литературы, посвященный роли Государства развития: здесь правительство не только играет активно в управлении спросом (как предполагает кейнсианская перспектива), но и возглавляет процесс индустриализации» [7, с. 86]. Например, Маццукато ссылается на одного зарубежного исследователя: «Джонсон утверждает, что “японское чудо” фактически есть явление Государства развития (*Developmental State*) – или, другими словами, результат сознательного и целенаправленного координирующего воздействия на японскую экономику промышленной политики, разработанной в МПТ (Министерство международной торговли и промышленности. – Г. К.)» [7, с. 82–83].

Заключение

1. Развитие России сегодня носит сложный, а внутри страны – кризисный характер, что требует от нас не только заниматься специфически российскими проблемами, но и внимательно смотреть на то, что происходит в мире вокруг нас. То, что мы наблюдаем, – это значительные ценностные изменения, которые меняют социум, образ жизни и социальные практики людей, а также революционные технологические изменения во всем мире («общество искусственного интеллекта», возникающее в результате четвертой промышленной революции).

2. Ценностные изменения, происходящие на Западе в последние несколько десятилетий, привели к переходу от ценностей материализма (ценностей выживания) к ценностям постматериализма (ценности автономии и самовыражения). Результатом чего стало формирование общества сингулярностей (А. Реквиц).

3. Наряду с этим в мире происходят революционные технологические изменения, связанные с развитием Интернета, «умных машин», искусственного интеллекта и т. д. Спектр новейших технологий чрезвычайно широк: от новых вычислительных возможностей до био- и нейротехнологий, геоинженерии и космических исследований. Особенность четвертой промышленной революции в том, что все эти технологии существуют не изолированно, а в тесном взаимодействии друг с другом (например, 3D-печать, искусственный интеллект и передовые материалы).

4. Сформировались *реальные общества искусственного интеллекта*, прежде всего США и Китай. Пример Китая особенно важен и интересен, поскольку это – развивающаяся страна, которая по многим параметрам догоняет и даже превосходит Соединенные Штаты. Возможно, опыт Китая в области развития цифровой экономики и интернет-бизнеса мог бы оказаться полезен сегодняшней России. Прежде всего это касается культуры предпринимательства в Китае, а также огромной роли правительства и местных органов власти в процессах цифровой модернизации.

5. Российская модернизация сталкивается сегодня с существенными трудностями, к которым можно отнести: продолжающуюся на протяжении многих лет монетаристскую политику правительства и Центрального банка; высокую коррупцию; неблагоприятный деловой климат. Все это мешает России перейти от господствующей на протяжении двух десятилетий сырьевой модели к производственной. В это же время придерживающийся производственной модели Китай показывает феноменальные успехи развития.

6. Образ модели социально-экономического развития, который нужен России, представляется далеко не однозначным. С одной стороны, правы сторонники капитализма, что без свободного рынка и предпринимательства нет развития. С другой стороны, очевидно, что неолиберальная экономика и политика приводят к размыванию среднего класса и разделению общества на богатых и бедных (как это произошло в Америке и до сих пор сохраняется в России). Что чревато массовым недовольством и нарастанием социальной напряженности. В то же время сегодня, в условиях становления «общества искусственного интеллекта» ставка делается не столько на государственное вмешательство в экономику и социальные процессы, сколько на решение социальных проблем при помощи новейших технологий (например, блокчейн или персонализированная медицина). Однако само развитие технологий требует значительного участия государства в инновационных процессах. В более широком смысле успешная модернизация предполагает выстраивание сильного Государства развития, которое взаимодействует с бизнесом и направляет его развитие в нужном направлении (как показал, в частности, опыт Японии). Таким образом, свободный рынок и Государство развития одинаково важны в процессах модернизации и их роль должна в равной степени учитываться в процессах социальных преобразований. Конкретная же модель социально-экономического развития – вопрос многих лет и сочетания многих факторов развития.

Список литературы

1. Гринфилд А. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни*. М.: Издательство «Дело» РАНХиГС, 2018. 424 с.
2. Жижек С. *Неприятности в Раю: От конца истории к концу капитализма*. Екатеринбург: Гонзо, 2021. 320 с.

3. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / 2-е изд., эл. М.; Челябинск: Социум, 2020. 348 с.
4. Канарш Г.Ю. Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. М.: ЛЕНАНД, 2020. 304 с.
5. Кинг Б., Пэтти Р. Техносоциализм: Как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый миропорядок. М.: Олимп-Бизнес, 2022. 478 с.
6. Ли Кай-Фу. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 240 с.
7. Мащукато М. Предпринимательское государство: Развеем мифы о государстве и частном секторе. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. 360 с.
8. Моисеев В.В. Россия и Китай: сравнение результатов в экономике и социальной сфере к 2022 году. М.: Директ-Медиа, 2022. 316 с.
9. Моисеев В.В. Социально-экономическое развитие России в XXI веке. М.: Директ-Медиа, 2022. 308 с.
10. Реквиц А. Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 400 с.
11. Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под общ. ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019. 232 с.
12. Цительманн Р. В защиту капитализма: развенчание популярных мифов. М.; Челябинск: Социум, 2022. 421 с.
13. Цительманн Р. Капитализм не проблема, а решение: Путешествие по новейшей истории пяти континентов. М.; Челябинск: Социум, 2023. 301 с.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018. 288 с.
15. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
16. Экономическая система России: Анатомия настоящего и стратегии будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / под ред. А.В. Бузгалина. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

RUSSIA IN THE GLOBAL MODERNIZATION PROCESSES

G.Y. Kanarsh

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

The article defends the point of view that Russia, despite the difficulties it is currently experiencing, should not be isolated from the rest of the world and should closely monitor the socio-cultural and technological changes that are taking place today in developed and developing countries. As shown in the article, these are, first of all, value changes leading to the transformation of various spheres of life and the formation of an «artificial intelligence society». At the same time, Russia is still facing the choice of its model of socio-economic development. Research shows that the raw material model has exhausted itself at the moment, and the production model has not yet been built. There are significant difficulties in terms of implementing a production model in Russia,

modeled on many developed and developing countries in East and Southeast Asia. There is also the problem of which path (socialist, capitalist) is most preferable within the framework of the production model. In general, it is concluded that there is no development without a free market and capitalism, but the role of the state continues to be quite significant in the world.

Keywords: *value changes, materialism, post-materialism, «singularity society», the Fourth Industrial Revolution, «artificial intelligence society», neoliberalism, socialism, capitalism, the state.*

Об авторе:

КАНАРШ Григорий Юрьевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, сектор социальной философии ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru

Author information:

KANARSH Grigory Yurievich – PhD (Political Science) Senior Researcher, Social Philosophy Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 24.03.2023.